

От дерзкой выходки Фан Цзо у всех присутствующих перехватило дыхание, особенно у телохранителей Хан Сиэня и императорских гвардейцев. Заметив замах, Гао Фэн испуганно выкрикнул:

— Стой! Наследник не владеет боевыми искусствами!

Он рванулся вперед, намереваясь принять удар на себя, но его главной задачей была охрана обозов с серебром, и он находился слишком далеко от Хан Сиэня. Гао Фэну оставалось лишь в ужасе наблюдать, как свистящая плеть неумолимо летит прямо в лицо юноше.

Услышав крик Гао Фэна, Фан Цзо мастерски изобразил на лице крайнее изумление. Его физиономия мгновенно исказилась деланной досадой; он судорожно дернул запястьем, притворяясь, будто изо всех сил пытается увести удар в сторону, но уже не может совладать с инерцией. Вытаращив глаза, он с напускным сожалением и беспомощностью уставился на Хан Сиэня — всем своим видом показывая, что если тот пострадает, он, так и быть, принесет свои глубочайшие извинения.

Сам же Хан Сиэнь на это шутовское представление лишь насмешливо приподнял бровь. Он даже не шелохнулся, сохраняя абсолютное хладнокровие. И в тот самый миг, когда всем показалось, что удар неизбежен, перед ним беззвучно соткался белый силуэт.

Небольшая, с виду совсем не богатырская ладонь намертво перехватила летящую плеть.

Этим спасителем, разумеется, оказался Бай Шу. Почувствовав силу удара, он сердито нахмурился, а его круглые, похожие на пышные булочки щеки сурово надулись. Он подумал о том, что если эта плеть рассечет кожу Хан Сиэня, на его прекрасном лице навсегда останется уродливый шрам. А ведь людей с изуродованными лицами всегда сторонятся и презирают.

Прямо как его старшего брата, генерала Бай Вэньхана. Тот был настоящим героем, но из-за шрамов трусливые ничтожества без конца шептались у него за спиной, изрыгая мерзкие гадости. От одних только мыслей об этом у Бай Шу закипала кровь.

Разгневанный юноша не стал церемониться. Он посильнее намотал плеть на руку и резко рванул ее на себя, выдергивая Фан Цзо из седла. Тот взмыл в воздух, точно бумажный змей на ветру; Бай Шу крутанул его над головой и с силой впечатал в дорожную грязь прямо к ногам Хан Сиэня — лицом ниц.

Фан Цзо был парнем крепкого телосложения, и глухой, тяжелый удар его тела о землю заставил окружающих невольно содрогнуться от фантомной боли. Стоявший в отдалении Гао Фэн даже болезненно скривился.

Поверженный шляхтич даже не успел осознать, что произошло. Взлетев в воздух, он растерял остатки мыслей от дикого головокружения, а в следующий миг уже лежал в пыли. Лицо пронзила такая дикая боль, что он лишь судорожно хватал ртом воздух, не в силах вымолвить

ни звука.

Над дорогой повисла гробовая тишина. Великая принцесса, до этого чинно сидевшая в своем паланкине, наконец изменилась в лице. Она родила сына в поздние годы и души в нем не чаяла. Избалованный Фан Цзо рос в абсолютной вседозволенности: мать не позволяла даже собственному мужу, великому генералу Фан Тяню, повышать на мальчишку голос. И видеть, как ее единственное сокровище при всем честном народе калечит безродный выскочка, было выше ее сил.

Даже понимая, что зачинщиком драки был ее сын, принцесса не собиралась мириться с его унижением. Император годами потакал любым ее капризам, сделав ее полновластной хозяйкой не только на границе, но и при дворе. Случившееся она сочла прямым вызовом своей безграничной власти.

Однако, вопреки ожиданиям, принцесса лишь смирла Бай Шу ледяным, давящим взглядом, сдержав первый порыв гнева. Зато поднявшийся на ноги Фан Цзо, которого заботливо суетились отряхнуть слуги, рассвирепел окончательно. С размаху пнув подвернувшегося под руку лакея, он, пошатываясь, сплевывая кровь из разбитого рта и заплывая синяками, подскочил к Хан Сиэню. Ткнув пальцем в лицо Бай Шу, он истошно заорал:

— Ты... ублюдок! Да как ты посмел пальцем меня тронуть?! Ты хоть знаешь, кто я такой?!

Бай Шу недоуменно сощурился:

— Раз ты сам не представился, откуда мне знать?

На его лице при этом отразилось такое искреннее недоумение, будто перед ним стоял законченный умалишенный, который нес несусветную чушь.

Фан Цзо от ярости зашелся сиплым хохотом, но не успел он излить поток бранных слов, как из паланкина раздался холодный, размеренный голос Великой принцессы. Обращалась она напрямую к Хан Сиэню:

— Надо признать, телохранители наследника дома Хань на редкость искусны в ратном деле. Мой сын действительно проявил к вам излишнюю дерзость.

Изначально план Фан Цзо был прост: даже если бы его плеть рассекла лицо Хан Сиэня, венценосный дядя-император не стал бы сурово наказывать любимого племянника. Пожурил бы для виду, а Фан Цзо разыграл бы раскаяние, принес слезные извинения, а матушка замолвила бы словечко перед государем — на том дело и кончилось бы.

Но реальность оказалась сокрушительным ударом по его самолюбию. Оказаться избитым и униженным на глазах у толпы — такое избалованный юнец стерпеть не мог. Едва мать

замолчала, он схватился за распухшую щеку и, шепелявя от злости, взвизгнул:

— Ну и что, что он умеет драться?! Я лично попрошу императора-дядюшку отрубить этому паршивцу обе руки!

Стоило этой угрозе сорваться с его губ, как Хан Сиэнь, стоявший поодаль, негромко рассмеялся. Бай Шу всегда нравился смех молодого господина, хотя сейчас этот звук и близко не затронул его холодные, как лед, глаза.

Хан Сиэнь прекрасно понимал: и принцесса, и ее сын теперь смертельно возненавидели юношу. Учитывая безграничную любовь императора и вдовствующей императрицы к своей венценосной сестре, поступок Бай Шу мог навлечь неминуемую опалу как на него самого, так и на его брата, генерала Бай Вэньханя.

В отличие от самого Хан Сиэня, у которого в этом мире не осталось ничего дорогого, Бай Шу было что терять. Но малец без раздумий бросился на защиту господина. И сам Хан Сиэнь секунду назад не выказал и тени страха лишь потому, что знал: его верная тень всегда окажется рядом.

Значит, пришло время перенаправить весь гнев монаршей родни на себя, заодно дав вдовствующей императрице прекрасный повод излить на него давнюю злобу. К тому же, упускать столь редкий шанс проучить наглого безумца, напрашивающегося на расправу, было бы верхом расточительности. В конце концов, Хан Сиэню нужно было поддерживать свою дурную, пугающую славу.

Смех оборвался так же внезапно, как и начался. Воцарилось молчание. Все взгляды, включая растерянных Фан Цзо и Великую принцессу, устремились на него.

Хан Сиэнь неспешно подошел к передовым рядам гвардейцев. Весь их путь до столицы возглавлял императорский меч Шанфан — символ верховной воли монарха. Любой чиновник в Поднебесной знал: преклонить колени перед этим клинком — все равно что предстать перед ясные очи самого Сына Неба.

Приняв тяжелые ножны из рук стражника, Хан Сиэнь взвесил оружие в руке, вернулся к Фан Цзо и с мягкой улыбкой спросил:

— Известно ли молодому господину, что я держу в руках?

От этой безмятежной улыбки у Фан Цзо против воли пробежал мороз по коже. Он упрямо мотнул головой:

— Без понятия.

Хан Сизнь скользнул взглядом по застывшей принцессе и со вздохом произнес:

— Что ж, раз ты не знаешь, я объясню со всей подробностью. Перед тобой — дарованный Его Величеством меч Шанфан, перед которым надлежит склоняться каждому подданному империи. Я возвращаюсь в столицу по высочайшему указу. Столкнувшись с вашим кортежем, я, как мне кажется, не нарушил ни единого правила этикета. Однако... если кто-то видит этот меч и отказывается выказать почтение, не означает ли это, что он ни во что не ставит самого императора? Впрочем, если и Ее Высочество Великая принцесса заявит, что впервые видит это оружие, то забудьте мои слова.

— Наследник Хань, как я погляжу, горазд чесать языком, — ледяным тоном оборвала его принцесса. — Даже если вы решите донести государю о нашем мнимом непочтении, факт остается фактом: ваш слуга посмел поднять руку на моего сына. И пред лицом Его Величества я не позволю вам вести себя столь нагло. Уходим!

Она предпочла пойти напролом, окончательно сбросив маску вежливости и твердо вознамерившись довести дело до монаршего суда.

Ее ничуть не пугали скрытые угрозы Хан Сизня — она сама не раз прибегала к подобным уловкам. Мнение толпы ее тоже мало заботило. Пока за ее спиной стоял любящий брат-император, любым недоброжелателям, как бы они ни исходили желчью, приходилось безропотно склонять головы.

В чем-то ее эгоистичное стремление потакать лишь собственным прихотям перекликалось с равнодушием самого Хан Сизня.

Вот только в Фан Цзо эта черта, раздутая материнским потаканием до гротескных размеров, превратилась в откровенную глупость. Пытаться мериться спесью с Хан Сизнем, обладающим поистине смертоносным хладнокровием, было чистой воды безумием.

Фан Цзо победоносно взглянул на противника и, вздернув подбородок, бросил сквозь зубы:

— Что ж, поглядим, чья возьмет!

Хан Сизнь лишь опасно прищурился. Из его уст негромко вылетело:

— Держать его.

Бай Шу коршуном метнулся вперед и железной хваткой прижал Фан Цзо за плечи к земле. Тот задержался, но не смог даже шевельнуться. В следующий миг сталь со свистом покинула ножны — Хан Сизнь без лишних слов обрушил императорский меч на ладони распластанного юнца.

Пока Фан Цзо, исходя холодным потом, катался по грязи и истошно выл, Хан Сиэнь будничным движением вернул окровавленный клинок в ножны. Одарив онемевшую от ужаса принцессу безмятежным взглядом, он негромко обронил:

— Действительно, поглядим.

Судя по тому, как исказилось лицо Великой принцессы, теперь вся ее клокочущая ненависть была без остатка обращена только на него. Что и требовалось доказать.

Справедливости ради, калечить мерзавца полностью Хан Сиэнь не стал — лишь начисто срубил ему восемь пальцев, оставив нетронутыми только большие.

По сравнению с теми бесчинствами, что Фан Цзо творил на западных рубежах, эта кара казалась верхом милосердия.

Тот самый Фан Цзо некогда до смерти сжег человека лишь за то, что случайный пьяница заикнулся о его несходстве с генералом Фан Тянем, назвав ублюдком, нагулянным матерью от безродного прихвостня. Тот самый Фан Цзо, заприметив чужую благонравную жену, силой утащил ее в свое поместье, а вдоволь натешившись, отдал на растерзание челяди под предлогом общего веселья.

И он же, убив неугодного ему чиновника, велел изготовить из его черепа чашу, из которой после преспокойно пил вино на пирах.

Злодеяниям этого человека не было числа. Но благодаря заступничеству матери и слепой любви императора-дяди все его зверства сходили ему с рук, не оставляя в душе и тени раскаяния.

Вспомнив этот послужной список, Хан Сиэнь утвердился в мысли, что обошелся с этим отродьем на удивление мягко.

Взглянув на бьющегося в судорогах Фан Цзо, он внезапно ощутил легкую скуку. Тем не менее, безупречно соблюдая приличия, он отвесил застывшей Великой принцессе легкий поклон, попрощался и отдал приказ гвардейцам продолжить путь к столице.

Великая принцесса, скованная ледяным ужасом и неверием, опомнилась лишь тогда, когда паланкин Хан Сиэня скрылся за поворотом дороги. Спотыкаясь, она бросилась к сыну, желая прижать его к себе. Но обезумевший от боли Фан Цзо уже ничего не соображал — он слепо отбивался руками и ногами, калеча всякого, кто пытался приблизиться. Один из слуг, поспешивший на помощь, от его бешеного пинка отлетел в сторону, отхаркивая кровь.

Телохранители едва успели увести принцессу из-под ударов беснующегося отпрыска. Безумие прекратилось лишь тогда, когда Фан Цзо точным ударом лишили чувств. Глядя на

окровавленное, изуродованное дитя, Великая принцесса едва не задохнулась от клокотавшей в груди ненависти — она готова была лично сжечь Хан Сиэня заживо, развеяв его прах по ветру.

Но в следующий миг слепая ярость уступила место расчетливой, холодной решимости. Она приказала немедленно отправить гонцов в столицу. На этот раз Хан Сиэнь заплатит за содеянное собственной головой — и никак иначе.

Вскоре остатки свиты принцессы, спешно погрузив раненого, промчались мимо отряда Хан Сиэня. Гао Фэн с тревогой покосился на закрытый паланкин молодого господина. За долгую дорогу он невольно проникся к этому странному, суровому юноше уважением, но сейчас понимал свою полную беспомощность перед грядущей бурей. Сопровождавший же их столичный евнух и вовсе застыл соляным столпом — его рот так и остался приоткрытым от пережитого потрясения.

На протяжении всего пути наследник Хань казался человеком на редкость расчетливым и хладнокровным. Кто бы мог подумать, что прямо у ворот столицы он преподнесет императору столь чудовищный «подарок». Евнух мог поклясться своей головой: когда государь узнает о случившемся, его гнев содрогнет небеса.

<http://bllate.org/book/20088/2002021>